

Полина Поберезкина

Ю. Балтрушайтис в печати Украины 1910–20-х гг.

Юргис Балтрушайтис вошел в историю Украины как литовский дипломат, однако ранее он стал известен как русский поэт. В статье дополнена его персональная библиография публикациями в киевских антологиях и рецензией Николая Брандта, проанализирован первый украинский перевод его стихов, выполненный Мыколой Хомичевским, и приведены свидетельства рецепции его литературного творчества по материалам местной периодики и архивных фондов.

Ключевые слова: Ю. Балтрушайтис, Н. Брандт, М. Хомичевский, украинско-литовские отношения, русско-украинские литературные взаимосвязи, перевод

Юргис Балтрушайтис вошел в историю Украины как литовский дипломат: 14 февраля 1921 г. в Москве был подписан Мирный договор между Украинской Социалистической Советской Республикой и Литовской Демократической Республикой (Павленко 2004: 428). Уполномоченными со стороны АДР были Ю. Балтрушайтис, И. Ванагас-Симонайтис, Р. Йоделис и К. Свилас, а от УССР – Ф. Кон и Ю. Коцюбинский. Основному договору сопутствовали: Соглашение о порядке оптации литовского гражданства от 28 января 1921 г., подписанное вышеперечисленными лицами (за исключением Ф. Кона), и Дополнительный договор от 5 апреля 1922 г., подписанный в Харькове В. Мошинским и Я. Истоминым. Тексты указанных документов перепечатывались на украинском и русском языках (Дополнительный договор 1922; Белов и др. 1959: 517–522; Забігайло, Михайловський, Хміль 1966: 235–246), но при этом частотность упоминаний Балтрушайтиса в официальной хронике неочевидна. Так, например, в кратком сообщении «Мир с Литвой», опубликованном 18 февраля 1921 г. в харьковской газете «Известия ВУЦИК» (Мир з Литвою 1921: 1), поименно названы только представители Украины.

Однако еще раньше Балтрушайтис приобрел известность как русский поэт. Знакомство украинских читателей с его творчеством осуществлялось с конца 1900-х гг. благодаря публикациям в киевских сборниках «Чтец-декламатор»¹. В 1909 г. появилась подготовленная редактором и перевод-

¹ К сожалению, из-за относительной труднодоступности этих изданий мы не можем гарантировать полноту их охвата, однако представленная выборка кажется репрезентативной.

чиком Федором Михайловичем Самоненко² (1883–1938) и поэтом Владимиром Юрьевичем Эльснером (1886–1964) «Антология современной поэзии», в которую вошли стихотворения Балтрушайтиса «Мой храм» («Мой светлый храм – в безбрежности...»), «Славься, утро» («Ты каждый день, жемчужно-золотое...»), «Детские страхи» («В нашем доме нет затишья...»), «Утренние песни» («Просияла заря перед шествием дня...») и «Маятник» («В тягостном сумраке ночи немой...»), а также отрывки из его переводов «Мертвого города» Г. Д’Аннунцио, «Виктории» К. Гамсуна и перевод «Новеллы» О. Гансона (Самоненко, Эльснер 1909: 544–548, 265–270, 308–318). В следующем издании этого тома в 1912 г. напечатаны уже 8 стихотворений Балтрушайтиса: «Вся мысль моя – тоска по тайне звездной...», «Мой храм» («Мой светлый храм – в безбрежности...»), «Аккорды» («Как раздумье в сердце мирном...»), «Черное озеро» («Из храма гор, из сонной мглы лесной...»), «Дорога» («Вьется пыльная дорога...»), «Детские страхи» («В нашем доме нет затишья...»), «Утренние песни» («Просияла заря перед шествием дня...»), «Маятник» («В тягостном сумраке ночи немой...»), – а переводы дополнены фрагментом «Сонаты призраков» А. Стриндберга (Самоненко 1912: 623–627, 318–323, 353–364, 379–390). Николай Гумилев писал: «Киевская “Антология” бесспорно лучшее имеющееся у нас руководство для ознакомления с той полосой русской поэзии, которая царила в эпоху “Весов”» (Гумилев 1913: 71). Параллельно этому в 1911 г. вышли два тома, составленных соответственно Я.С. Дробинским и С.В. Каратыгиным и включавших другие произведения Балтрушайтиса: «Прибой» («Шумит, гремит дневное море...»), «В горах» («Простор! Раздолье дикое!...»), «Девичьи грезы» («Девичьи грезы – как тучи рассветные...»), «В лесу» («Тишь... Безмолвие лесное...»), «Великий час! Лучистая заря...» (Дробинский 1911: 136–138) и «Сон» («Мне снилось: я лежал уже в земле сырой...») (Каратыгин 1911: 403). Продолжался выпуск прежних серий, и в 1912 г. увидели свет 6-е издание второго тома и 2-е издание третьего со стихами и переводами литовского поэта: «Одиночество» («В кругу людей – я среди чужих...»), «Миг свободы» («Над угрюмою темницею, над оградой глухой...»), «Колокол» («Зычно и скорбно, удар за ударом...»), «Есть среди грез одиноких одна...», «На пороге ночи» («В вечерней мгле теряется земля...») (Чтец-декламатор 1912б: 92, 159–160, 293, 391–392, 447) и «Кочевники» («Качнулись последние стены...»), «Ноктюрн» («Час полночный... Миг неясный...»), «Из “Джиоконды”» Г. Д’Аннунцио, «Новелла» О. Гансона (Чтец-декламатор 1912а: 153–154, 389–391, 447–451). В 3-м издании третьего тома, вышедшем год спустя, были добавлены еще 2 стихотворения: «Ноктюрн» («Час полночный... Миг неясный...»), «Черное озеро» («Из храма гор, из сонной мглы

² Письмо Балтрушайтиса к нему от 6 марта 1909 г.: РГАЛИ. Ф. 1284. Оп. 1. Ед. хр. 20. Искренне благодарим за консультации Юлию Снежко.

лесной...»), «Приближенье» («Угрюмы скал решенные отвесы...»), «Кочевники» («Качнулись последние стены...»), «Новелла» О. Гансона, «Из “Джиоконды”» Г. Д’Аннунцио (Чтец-декламатор 1913: 42–43, 95–96, 262, 361–362, 525–529, 532–534).

Однако наибольшая по объему киевская публикация поэзии Балтрушайтиса не связана с многочисленными сборниками издательства Самоненко. «В 1914 году, в первые недели Мировой войны, в Киеве вышла книга “Волны вечности в русской художественной литературе” – антология или хрестоматия стихов и прозы (по большей части в отрывках) на библейские темы. <...> “Волны вечности” сопровождал некоторый привкус загадочности, поскольку книга, последовательно называя авторов собранных в ней стихов и прозы, утаивала имя составителя и автора предисловия. Анонимность тем более удивительная, что предисловие было написано от первого лица. Однако для киевлян не было тайной, что “Волны вечности” составлены и изданы Петром Павловичем Кудрявцевым» (1868–1940), профессором Киевской духовной академии и одним из основателей Киевского религиозно-философского общества, под маркой которого увидела свет антология (Петровский 2008: 93–95). Произведения от XVIII до начала XX в. группировались по тематическим рубрикам, а литературный горизонт составителя был ограничен поэзией символизма (см. Рогожин 1958: 85–90). В сборнике перепечатаны тексты 12 стихотворений Балтрушайтиса: «Ночь» («Чутко спят тополя... Онемели поля...»), «Аккорды» (фрагмент «Серым покрывалом...»), «Вечерняя песня» («Входит под сирую кровлю...»), «Мой храм» («Мой светлый храм – в безбрежности...»), «Отчизна» («Я родился в далекой стране...»), «Предчувствие» («Мне чудятся дали ночные...»), «Дорога» («Вьется пыльная дорога...»), «Вечер» («Вечернее зарево меркнет, скудеет...»), «Вечерняя песня» («В вечерний час, в глухую пору...»), «Альпийский пастух...» («По высям снегами...»), «Колокол» («Зычно и скорбно, удар за ударом...») и «Пасхальный звон» («Дрогнул в мире звон пасхальный...») (Волны вечности 1914: 12, 19, 20, 31, 36, 37, 53, 55, 56, 72, 192, 359).

Заметим, что стихи в антологиях в большинстве своем не повторялись, и читатели, не видевшие столичной периодики и поэтических книг Балтрушайтиса, все же могли получить какое-то представление о его творчестве. Дебютный же его сборник был отрецензирован в первом номере киевского журнала «Лукоморье», вышедшем в начале октября 1911 г. (правда, с нелепой опечаткой «темные» вместо «земных» ступеней). Поскольку данный отзыв не упомянут в библиографиях поэта (Гречишкин 1989: 146–148; Глухова 2010: 129–136), приведем его полностью:

«За последнее время развился весьма странный метод оценки некоторых писателей. Не обращая внимания на личное, неотъемлемое привношение себя в стихийную ширь поэтических образов и настроений – заявляют: “пишет под такого-то”. Это большая обида. Ибо

можно находиться под воздействием, под влиянием крупного художника слова и еще неуверенным резцом чеканить уже мелькнувшую в чужом создании линию, но все это не должно давать права заявить, что дух человеческий, свободный в искании своем, подлаживается под определившийся вкус, старается ограничить проявления стихийного заранее намеченным пределом. Говорить так – значит не иметь в самом себе свободного доступа к вечным “Матерям”. И потому, говоря о поэзии Ю. Балтрушайтиса, я вынужден отвергнуть пристегнутый к нему эпитет – современного Тютчева. Ибо не в темах и не в сходных настроениях суть – а в глубоком ритме духа – как бы в подводном течении “я” под видимой поверхностью воплощаемых вещей. Тютчев, этот величайший прозорливец пейзажа и космоса, вникающий в самые недра посястороннего – никогда не бывает картинным. Он психолог живописи, его пейзажи: говор и деянье космических сил – сама природа. Она не заманивает красочными аксессуарами, перед ними стоишь в благоговейном молчании, ибо из самых вещей вытекает сила изобразительная и не поэт внедряет в нее свое я, но она сама заполняет его душу и творчество. Балтрушайтис хочет быть космичным и стихийным, но не будучи ни тем, ни другим, прикрашивает, наряжает безбрежное в пестрые, красочные платья. Но это не шумиха риторики. Среди образов Ю. Балтрушайтиса многие, бесспорно, достигают высокой красоты. И только когда хмурый дух поэта пытается охватить необъятное, когда земные руки посягают на небесные цветы, становится больно, ибо в этом большое кощунство. Возьмем для примера стихи “Ночью”. “Чутко спят тополя, онемели поля, раскрывается ночь бесконечная...” Веет ширью и тишиной! “Звезд исполнен простор, в их лучистый убор наряжается бездна предвечная”. (Это срыв, это безвкусица...) Точно актриса пред тем, чтобы выйти на эстраду... Но если попытки изобразить космос кончаются неудачно у этого поэта – он должен быть признан лучшим изобразителем человеческого духа, покинутого на самого себя, тоскующего у железных врат тайны... И здесь, действительно, Балтрушайтис никому не уступит, разве Ф. Сологубу. Вот где он сам – каким ему велено быть свыше. Я упомянул о Ф. Сологубе только с некоторой оговоркой – ибо если он и певец одиночества и томленья – то это происходит от пресыщения внешним миром, от скуки среди серых, нудных людишек. И нет здесь упоминаний о полетах в высь: за чертою стоять и ворожить – это исканье забвенья, где умиряется жажда дел, жажда мятежа рокоборца. Не то у Балтрушайтиса. Он еще молится, тоскующий невольник, свободе доли кочевой, еще поникает трепетная тень с молитвенным вопросом. А где есть молитва, там и светлая привязанность к бытию. И человек его возвышеннее сологубовского чародея, которому надо извне скликать святыню, бога, дьявола... У него душа – алтарь в забытом храме, и порою в любви, сочетаясь со светом звездным и

возлюбленной, делается созвучьем вечного псалма. И не его вина, что он только ткач, с грустью всю долгую жизнь свою ткущий собственный саван. Он все ждет еще чего-то высшего и не в силах опустить на лицо свое маску с узаконенно-иронической улыбкой безусловного пессимиста. Он из могикан того прошлого, когда уповали, умирая... И в общем его книга – раздумья мыслителя по призванию, но Аполлон чувствовал, что мысль поэта искала ритма; только осенил ее как-то мимоходом. И некоторая серая монотонность финляндских утесов стала неизменным фоном величавых песен... Сдержанный в чувстве и благородный в способах излить мысль, поэт все же обделен стихийностью. И он это сознал уже... Чем ближе к концу разбираемого сборника подвигаешься, тем ярче бросаются в глаза достижения... гордого в своей тоске духа...» (Брандт 1911а: 13).

Автором рецензии был киевский поэт Николай Генрихович Брандт. О его биографии известно очень мало: родился в семье Генриха Христофоровича Брандта – по-видимому, довольно обеспеченной, поскольку их аптека находилась в самом центре Киева, на ул. Большой Владимирской, 41 (Весь Киев 1911: 801, 976). Возможно, закончил 1-е реальное училище: в Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского хранится экземпляр его дебютной книги (Брандт 1907) с дарственной надписью преподавателю истории «Дорогому наставнику / Леониду Павловичу Добровольскому / от автора. / Н.Г. Брандт»³. Финансовое положение позволило ему выпустить в Киеве до первой мировой войны четыре поэтических сборника: «Тихие песни» (включавшие 9 переводов с английского, французского и немецкого), «Нет мира миру моему» (Брандт 1910; с посвящением «Милому моему Юлию Исаевичу Айхенвальду в знак глубокого уважения и любви»), «Ни там, ни тут» (Брандт 1912) и «Carceri» (Брандт 1913; с эпиграфом из Р.М. Рильке и стихотворениями на немецком языке). Однако славы это ему не принесло – «Нет мира миру моему» раскритиковали Николай Гумилев в «Аполлоне» (Гумилев 1910: 37–38) и Валерий Брюсов в «Русской мысли» (Брюсов 1911: 231). В стихах Брандта ощутимо влияние Иннокентия Анненского, очевидное и в заглавии его первой книги; в третьем номере «Лукоморья» он посвятил Анненскому отдельную статью (Брандт 1911б: 11–12; Тименчик 2017: 89–92). Брандт жил в Киеве как минимум до конца 1920-х гг., но после революции практически исчез с литературного горизонта. Он упомянут в репортаже о вечере киевских поэтов в июле 1922 г.: «Откровенные “старички” не только не смогли уловить существа “старого”, но в своей (говорят, оригинальной) лирике не дали ничего своего. Вышло: ни своего, ни чужого. <...> “[И]сторический экзотизм” Брандта – плохой перепев плохих оригиналов. <...> Переводные стихи ничуть не лучше оригинальных и, конечно, неизмеримо хуже оригиналов. Впрочем, некоторой свежестью повеяло от переводов Брандта»

³ НБУВ. В.14237/7538.

(Бис 1922: 3). В 1930 г. он безуспешно пытался опубликовать в «Красной нови» стихотворение «Врасплох» о коннице Буденного, которое было отклонено редакцией и сохранилось в архиве журнала⁴. Дальнейшая судьба Брандта нам неизвестна; в базе репрессированных по Киеву и Киевской области Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины он не значится.

История «еженедельного иллюстрированного литературно-художественного, беллетристического и популярно-научного журнала» «Лукоморье», где была помещена рецензия на «Земные ступени», исчерпывается тремя выпусками в октябре 1911 г. Журнал издавался в Киеве тиражом 2000 экземпляров; в редакцию входили Иван Аксенов, Николай Брандт, Николай Животов, Бенедикт Лившиц, Сергей Никонов и Владимир Эльснер (см. подробнее: Соболев 2013: 107–109). Обложку подготовил художник Михаил Денисов, иллюстрации к первому номеру – Александра Экстер. В конце 1920-х гг. Николай Ушаков писал: «Почти до самой революции Киев оставался во власти символистов. Еще в 1911 году вокруг эфемерного журнала “Лукоморье” группировались эпигоны этой школы – Ник. Животов, Ник. Брандт, С. Никонов, Юрий Зубовский, В. Василенко, В. Отраковский и др.» (Ушаков 1929: 120).

Произведения Балтрушайтиса не только публиковались, но и звучали со сцены. 27 апреля 1919 г. Киевское общество им. А.Н. Скрыбина совместно со Всеукраинским музыкальным комитетом провело торжественное заседание, посвященное памяти композитора (в это время в Киеве находились его вдова и дети). Газетный анонс лаконичен: «Сегодня в зале консерватории состоится утро, посвященное памяти А.Н. Скрыбина. Доклад, на тему: “Творчество А.Н. Скрыбина, в плане современной культуры”, прочтет тов. Асман. После доклада состоятся выступления артистов и артисток с декламациями стихов современных поэтов, посвященных покойному гению» (Лекции 1919: 4). Больше подробностей содержится в заметке «Годовщина смерти Скрыбина» Бюро печати при Совнаркоме Украины (сообщение № 14 «Хроники искусства и художественной промышленности» от 25 апреля 1919 г.): «артистки Тарасова, Зяблова и поэт Натан Венгров прочтут стихотворения Бальмонта, Брюсова, Вяч. Иванова, Балтрушайтиса <так!> и Парнок, посвященные памяти А.Н. Скрыбина»⁵. Спустя год сюжет был неожиданно закольцован: если в 1919 г. в Киеве Венгров принимал участие в чтении стихов Балтрушайтиса, то в 1920 г. в Москве Балтрушайтис рецензировал детскую книжку Венгрова «Зверушки» (Балтрушайтис 1920: 60–61; Саушкин 2016: 223)⁶.

⁴ РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 1.

⁵ Центральный государственный архив высших органов власти и управления (ЦГАВО) Украины. Ф. 1738. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 33.

⁶ Вопреки утверждению исследователя, републиковавшего текст, рецензию вряд ли можно назвать «неизвестной», поскольку ранее она была зафиксирована в

До 1934 г. столицей советской Украины был Харьков, и там находились всеукраинские учреждения культуры и органы печати. Харьковская пресса информировала читателей не только о российских, но и о заграничных изданиях с участием Балтрушайтиса. Так, например, в мае 1922 г. еженедельник «Художественная мысль» с опозданием в несколько месяцев дважды – в 11 и 12 выпусках – сообщил о январском номере «Жар-Птицы», где было перепечатано стихотворение «Безмолвие» («Я в жизни верую в значенье...») (Балтрушайтис 1922: 32): «Вышел № 6 журнала “Жар-Птица” ц. 8 фр. Париж. Содержание: Стихи Минского, Балтрушайтиса, А. Черного, А. Блока. Рассказы А.Н. Толстого, Дроздова, Пинегина, Сергеева. Статьи Маковского, В[а]льтера» (Жар-Птица 1922: 19; см. также: Русские журналы 1922: 17).

Вероятно, в Харькове увидел свет и первый перевод поэзии Балтрушайтиса на украинский язык. Статья о Балтрушайтисе в Литературной энциклопедии, написанная Дмитрием Благим, завершалась фразой: «Стихи Б. переведены на итальянский и болгарский яз» (Благой 1930: 313). Между тем, в 1928 г., в 4-м номере журнала «Церква й життя» («Церковь и жизнь»), был опубликован «Пасхальный звон» в украинском переводе А. Лепского:

Пасхальный звон

Дрогнул в мире звон пасхальный,
Вспыхнул свет в душе опальной!
Ярче, ярче искра Божья
Средь земного бездорожья...
Люди, дети сна и тени,
Становитесь на колени!

Сладок гулкий звон воскресный,
Голос вечный, зов небесный...
В мире смерти, в мире боли,
Молкнет ропот темной воли...
Побеждает искра Божья
Тьму земного бездорожья, –
Дети сна и дети тени,
Припадайте на колени!
(Балтрушайтис 1911: 17)

Великодний дзвін

Дзвін хитнувся Великодний
І в душі відбивсь холодний!
Спалахнула іскра Божа
В тьмі земного бездорожжя...
Люди сну і смутку діти,
На коліна припадiте!

Дзвін гуде, як гімн воскресний,
Голос вічності небесний...
В царстві смерті і страждання
Вже не чути нарікання...
Пододала іскра Божа
Тьму земного бездорожжя, –
Діти сну і смутку діти,
На коліна припадiте!
(Балтрушайтис 1928: 267; цит. по:
Тен 1998: 83)

библиографическом указателе (Богомолов 1994: 127). Так же необоснованно предположение П.С. Сауныкина (Сауныкин 2016: 224), что это «последняя, вышедшая на русском языке при жизни автора» публикация Балтрушайтиса (ср. Лавринен 2013: 28).

Перевод формально близок к оригиналу: в нем сохранены размер (четырёхстопный хорей, имитирующий колокольный звон), женские клаузулы и смежная рифмовка. Если в подлиннике все рифмы адъективные или субстантивные, то в переводе – одна субстантивно-глагольная в рефрене. В 8 стихах из 14 совпадает количество слов. Вместе с тем, переводчик обеднил варьирующиеся строки первой и второй строф (4–12 и 6–14 соответственно), заменив их повторами, хотя вариации строк 3–11 и 5–13 воспроизведены. Дящееся и развивающееся действие изображено как свершившееся: «вже не чути» («уже не слышно») вместо «молкнет», «подолала» («преодолела») вместо «побеждает». Однако в целом, на наш взгляд, перевод передает и содержательное, и стилистическое, и версификационное мастерство Балтрушайтиса.

Републикуя литературные материалы из журнала «Церква й життя», Г.Д. Зленко⁷ высказал убедительное предположение (Зленко 1998: 70–73), что под псевдонимом «А. Лепський» (возможно, восходящим к писателю и путешественнику XVII в. Павлу Алеппскому) скрывался поэт и переводчик Мыкола Васильевич Хомичевский (1897–1983). Протоиерей Хомичевский был настоятелем храма св. Софии (1924–1926) и Петропавловской парохии (1924–1928) в Киеве; в августе 1929 г. арестован, осужден на 10 лет лагерей, но досрочно освобожден в сентябре 1936 г. (Бухало 1998: 84–95). В украинской литературе он известен под другим псевдонимом, которым подписывал светские сочинения и переводы, – Борис Тэн. Хомичевский переводил на украинский язык Эсхила, Софокла, Аристофана, Шекспира, Шиллера, Мицкевича, Верлена, Пушкина, Толстого, либретто опер и др. (Білокінь 1988: 488–505); он успел осуществить полный перевод «Одиссеи», а затем «Илиады» Гомера, а также выпустить маленький сборник собственных сонетов «Зоряні сади» («Звездные сады»; Тен 1970).

Журнал «Церква й життя» издавался в Харькове Всеукраинским православным церковным советом – высшим органом Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ). Редактировал его митрополит Василь Липкивский, а затем архиепископ Иван Павловский. Журнал выходил тиражом 2500 экземпляров в 1927–1928 гг. и был прекращен из-за репрессий против УАПЦ. В четвертом номере содержалась пасхальная подборка: переводы «Пасхального звона» Балтрушайтиса и *Noli me tangere, Maria!* Брюсова и три стихотворения пасхальной тематики самого А. Лепского – «Великдень» («На голі скелі...»), «Уже ланами рунь зазеленіла...», «У далечінь старий прославсь гостинець...» (Тен 1998: 76–77, 82–83).

Произведения Балтрушайтиса, очевидно, знали и в украинской провинции. Михаил Горяйстов вспоминал о литературоведе и поэте Викторе Абрамовиче Гофмане (1899–1942): «К началу учебного года в 5-м классе Полтавской 1-й гимназии (1914 г.) В. Гофман и я были уже близкими

⁷ Григорий Демьянович Зленко (1934–2015) был одним из первых исследователей темы «Балтрушайтис и Украина» (Зленко 1980: 170–174).

друзьями. Нас сблизила любовь к литературе. Витя Гофман хорошо знал поэзию, в особенности современную, интересовался теорией литературы. У него была большая библиотека, которую он и его отец (доктор – видный специалист по болезням уха, горла и носа) регулярно пополняли новинками и которой пользовался и я. Сам Витя Гофман писал стихи и при каждой встрече знакомил меня с ними. Особенно любил он символистов – не было ни одной встречи, во время которой он не читал бы произведений А. Блока, А. Белого, Ю. Бальтрушайтиса <так!>, В. Брюсова, К. Бальмонта, В. Иванова, А. Ремизова, Ф. Сологуба и др.»⁸ Вместе с тем, в фундаментальной статье Гофмана «Язык символистов» (Гофман 1937: 54–105) Балтрушайтис не упомянут.

Итак, литературная известность Юргиса Балтрушайтиса в Украине предшествовала официальной дипломатической. Его поэзия была доступна читателям в оригинале и переводе, в антологиях и периодике, критических откликах и журнальной хронике, в столицах и провинции, в печати и со сцены. Материалы местной печати и культурной жизни 1910–20-х гг. не только дополняют персональную библиографию Балтрушайтиса, но и расширяют общее представление о рецепции поэзии русского символизма в украинской литературе.

Литература

- Балтрушайтис, Ю. (1911). *Земные ступени: Элегии, песни, поэмы*. Москва: Скорпион. 212 с.
- Балтрушайтис, Ю. (1920). Натан Венгров. *Художественное слово: Временник Литературного отдела НКП*. Кн. I-ая. Москва: Изд. Народного комиссариата по просвещению. С. 60–61.
- Балтрушайтис, [Ю]. (1922). Безмолвие («Я в жизни верую в значенье...»). *Жар-Птица*. Париж; Берлин. № 6. Январь. С. 32.
- Балтрушайтис, Ю. (1928). Великодний дзвін. Пер. А. Лепського. *Церква й життя*. Харків. № 4. С. 267.
- Белов, Г.А., и др. (1959) / ред. кол. *Документы внешней политики СССР*. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. Москва: Госполитиздат. 723 с.
- Бис. [Бачелис, И.?] (1922). Вечер группы киевских поэтов. *Пролетарская правда*. Киев. № 153. 11 июля. С. 3.
- Білокінь, С.І. (1988) / укл. Матеріали до бібліографії Бориса Тена. В: *Жадань і задумів неспокій: З творчої спадщини Бориса Тена: Вірші, переклади, статті, листи, спогади*. Журавський, А.Ф., Ленець, К.В. / упоряд., підгот. публ., прим. Київ: Радянський письменник. С. 488–538.
- Благой, Д. (1930). Балтрушайтис. В: *Литературная энциклопедия*: В 11 т. Т. 1. Москва: Изд-во Коммунистической академии. Стб. 311–313.

⁸ Горяйстов, М.Ф. *Литературный кружок В.А. Гофмана (1915–1923 гг.): Воспоминания*. Центральный государственный архив-музей литературы и искусства (ЦГАМЛИ) Украины. Ф. 260. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 7. Горяйстов Михаил Федорович (1897–1968) – журналист, профсоюзный работник. Подробнее о полтавском литературном кружке см. (Поберезкина 2017: 78–86).

- Богомолов, Н.А. (1994). *Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937*. Т. 1. Москва: Лантерна; Вита. 623 с.
- Брандт, Н.Г. (1907). *Тихие песни: Стихотворения*. Киев: Типография Р.К. Лубковского. 71 с.
- Брандт, Н. (1910). *Нет мира миру моему: Вторая книга стихов. 1908–1910*. Киев: Типография акционерного общества «Петр Барский в Киеве». 96 с.
- Брандт, Н. (1911а). Юргис Балтрушайтис. [3]емные ступени. Скорпион. Москва, 1911 г. Лукоморье. Киев. № 1. С. 13.
- Брандт, Н. (1911б). Об Анненском. Лукоморье. Киев. № 3. С. 11–12.
- Брандт, Н.Г. (1912). *Ни там, ни тут: Третья книга стихов. 1910–1912*. Киев: Типолитография «Прогресс». 64 с.
- Брандт, Н. (1913). *Sarceri (Темницы): Четвертая книга стихов*. Киев: Типография «Прогресс», З.М. Сахнина. 96 с.
- Брюсов, В. (1911). Новые сборники стихов. *Русская мысль*. № 2. Февраль. С. 227–234, 2-я паг.
- Бухало, Г. (1998). Дві сторінки його життєпису. В: Тен, Б. *Скороминуцих років буревій: Літературна спадщина. Спогади про Бориса Тена. Документи*. Шморгун, Є. / упоряд., ред. Рівне: Азалія. С. 84–95.
- Весь Киев (1911). *Весь Киев: Адресная и справочная книга на 1911 г.* Киев: Изд. С.М. Богуславского. 144+XIX с.+1983 стб.
- Волны вечности (1914). *Волны вечности в русской художественной литературе*. Киев: Киевское религиозно-философское общество. 520+VIII с.
- Глухова, Е.В. (2010) / сост. Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944). В: *Русская литература конца XIX – начала XX века: Библиографический указатель*. Т. I (А–М). Глухова, Е.В. / отв. ред. Москва: ИМЛИ РАН. С. 129–136.
- Гофман, В. (1937). Язык символистов. В: *Литературное наследство*. Т. 27–28. Москва: Журнально-газетное объединение. С. 54–105.
- Гречишкин, С.С. (1989). Балтрушайтис Юргис Казимирович. В: *Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь*. Т. 1. А–Г. Николаев, П.А. / гл. ред. Москва: Советская энциклопедия. С. 146–148.
- Гумилев, Н. (1910). Письма о русской поэзии. *Аполлон*. № 9. Июль–август. С. 35–38, 2-я паг.
- Гумилев, Н. (1913). Антология современной поэзии. *Аполлон*. № 2. С. 71–72.
- Дополнительный договор (1922). *Дополнительный договор к мирному договору между Украинской Социалистической Советской Республикой и Литовской Демократической Республикой: Материал к пункту му повестки 3 сессии ВУЦИКА*. Харьков: 1-я Гос. лито-типография. 15 с.
- Дробинский, Я.С. (1911) / сост. *Литературно-художественный чтец-декламатор: Сборник стихотворений, поэм, рассказов, монологов и пр. в трех частях*. Киев: И.И. Самоненко. 698+XVIII с.
- Жар-Птица (1922). *Жар-Птица* № 6. *Художественная мысль*. Харьков. № 11. 30 апреля – 6 мая. С. 19.
- Забігайло, К.С., Михайловський, М.К., Хміль, І.С. (1966) / упоряд. *Українська РСР на міжнародній арені: Збірник документів (1917–1923 рр.)*. Київ: Наукова думка. 667 с.
- Зленко, Г. (1980). Два приезда Балтрушайтиса. *Литва литературная*. № 3. С. 170–174.
- Зленко, Г. (1998). Малоизвестный Борис Тен. В: Тен, Б. *Скороминуцих років буревій: Літературна спадщина. Спогади про Бориса Тена. Документи*. Шморгун, Є. / упоряд., ред. Рівне: Азалія. С. 70–73.

- Каратыгин, С.В. (1911) / сост. *Новый чтец-декламатор: Литературно-художественный сборник. Стихотворения, рассказы, сцены и монологи для чтения с эстрады, на литературн. вечерах, драматических курсах и пр. в трех частях.* Киев: Типография акционерного общества «Петр Барский в Киеве». 656+XV с.
- Лавриненц, П. (2013). Репутация Юргиса Балтрушайтиса в балтийской русской печати 1920–1930-х годов. *Literatūra*. Т. 55, № 2. С. 26–35.
- Лекции (1919). *Борьба*. Киев. № 60. 27 апреля. С. 4.
- Мир з Литвою (1921). *Вісти Всеукраїнського центрального виконавчого комітету Рад робітничих, селянських та червоноармійських депутатів*. Харків. № 24. 18 лютого. С. 1.
- Павленко, В.В. (2004). Договір мирний між Українською СРР і Литовською Демократичною Республікою 1921. В: *Енциклопедія історії України*. Т. 2. Г–Д. Смолій, В.А. / гол. редкол. Київ: Наукова думка. С. 428.
- Петровский, М.С. (2008). *Мастер и город: Киевские контексты Михаила Булгакова*. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха. 464 с.
- Поберезкина, П. (2017). Полтавские читатели О. Мандельштама. В: *Мандельштам – читатель / Читатели Мандельштама: Филологический сборник*. Лекманов О.А., Устинов, А.Б. / ред. Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. New Series. Vol. 1 (47). Stanford: Aquilon Books. С. 75–87.
- Рогожин, Н.П. (1958) / сост. *Литературно-художественные альманахи и сборники: Библиографический указатель*. Т. 2. 1912–1917 годы. Москва: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. 528 с.
- Русские журналы (1922). *Художественная мысль*. Харьков. № 12. 6–13 мая. С. 17.
- Самоненко, Ф.М. (1912) / перераб. и доп. *Антология современной поэзии. Чтец-декламатор*. Т. IV. Изд. 2-е. Киев: Типография акционерного общества «Петр Барский в Киеве». 759 с.
- Самоненко, Ф., Эльснер, В. (1909) / ред. *Антология современной поэзии: Америка, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия. Чтец-декламатор*. Т. 4. Киев: Типография «Петр Барский». 658+XII с.
- Саушкин, П.С. (2016). О неизвестной публикации Ю. Балтрушайтиса. *Научный диалог*. № 12 (60). С. 222–227.
- Соболев, А.А. (2013). *Летейская библиотека: очерки и материалы по истории русской литературы XX века*. Кн. I. Биографические очерки. Москва: Трутенъ. 488 с.
- Тен, Б. (1970). *Зоряні сади: Сонети*. Київ: Радянський письменник. 103 с.
- Тен, Б. (1998). *Скороминущих років буревій: Літературна спадщина. Спогади про Бориса Тена. Документи*. Шморгун, Є. / упоряд., ред. Рівне: Азалія. 125 с.
- Тименчик, Р. (2017). К истории культа Анненского. В: Тименчик, Р. *Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев*. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. С. 77–254.
- [Ушаков, Н.] (1929). Н. У. Киев и его окрестности. В: *Ветер Украины: Альманах ассоциации революционных русских писателей «АРП»*. Кн. 1. Киев: Ассоциация революционных русских писателей «АРП». С. 120–133.
- Чтец-декламатор* (1913). Т. III, изд. III. Киев: Типография акционерного общества «Петр Барский, в Киеве». 624+XIV с.
- Чтец-декламатор: Новая поэзия* (1912а). Т. 3, изд. 2. Киев: И.И. Самоненко. 564+XII с.
- Чтец-декламатор: Художественный сборник стихотворений, монологов и рассказов. Для чтения в дивертисментах, на драматических курсах, литературных вечерах и т. п.* (1912б). Т. II, изд. 6-е. Киев: Типография акционерного общества «Петр Барский в Киеве». 678+XXVI с.

J. Baltrušaitis 20. gadsimta 10.–20. gadu Ukrainas presē

Jurģis Baltrušaitis Ukrainas vēsturē ir pazīstams kā lietuviešu diplomāts, taču pirms tam viņš bija zināms kā dzejnieks. Rakstā aplūkota viņa literārās daiļrades recepcija Ukrainas periodikā un arhīvu fondos. Raksta autore aktualizē atsevišķas publikācijas Kijevas antoloģijās, Nikolaja Branta recenziju, kā arī analizē pirmo J. Baltrušaiša dzejas tulkojumu ukraiņu valodā (Mikolas Homičevska tulkojums).

J. Baltrušaitis in the press of Ukraine 1910–20-ies

Jurgis Baltrušaitis entered the Ukrainian history as a Lithuanian diplomat but previously he was known as a Russian poet. This paper presents the evidence of the reception of his literary works from local periodicals and archives and focuses on several publications in the Kiev anthologies and the book review by Nikolai Brandt, as well as analyses the first Ukrainian translation of his poem by Mykola Khomychevsky.